

СЫЩИКИ С НАНКИН-РОУД

Сильвия Алиага

Перевод
Елены Горбовой

Сильвия Алиага
Сыщики с Нанкин-роуд

«Альпина Диджитал»

2022

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-445.7

Алиага С.

Сыщики с Нанкин-роуд / С. Алиага — «Альпина Диджитал»,
2022

ISBN 978-5-96-149373-3

Эмма Дойл с детства работала в группе уличных информаторов Шерлока Холмса. Она так наблюдательна и умна, что в свои пятнадцать лет может разоблачить даже самого искусного мошенника и отыскать любую информацию. После смерти знаменитого детектива Эмма вместе со старшей сестрой переезжает в Шанхай, надеясь, что здесь ей удастся начать новую жизнь. Она устраивается горничной в отель «Белгравия», заводит интересные знакомства и... снова сталкивается с загадочным убийством. Но это дело оказывается гораздо сложнее и запутаннее предыдущих. Сунуть листок бумаги в карман упрямой и недоверчивой девушки так, чтобы она этого не заметила, – дело намного более трудное, чем стянуть булавку для галстука у джентльмена, – в этом я совершенно уверен. Зачем читать • Погрузиться в атмосферу Китая XIX века; • Насладиться интригой, которая не отпускает до самого конца; • Познакомиться с колоритными персонажами, которым хочется сопереживать. Шерлок Холмс вряд ли был для Эммы чем-то большим, чем неким смутным силуэтом: ей ни разу не довелось толком с ним пообщаться – так, разве что парой слов перекинуться. Однако само его присутствие и в Лондоне, и в ее жизни было чем-то надежным, вроде якоря, за который – она знала – всегда можно будет ухватиться, когда ничего другого не останется. Для кого • Для поклонников творчества Артура Конан Дойла, Филипа Пулмана, Джонатана Страуда; • Для любителей сериала и книг про Энолу Холмс.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-445.7

ISBN 978-5-96-149373-3

© Алиага С., 2022

© Альпина Диджитал, 2022

Содержание

Действующие лица	9
I	15
II	18
III	20
IV	23
V	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сильвия Алиага

Сыщики с Нанкин-роуд

Переводчик: *Елена Горбова*
Редактор: *Диляра Абубакирова*
Издатель: *Лана Богомаз*

Генеральный продюсер: *Сатеник Анастасян*
Главный редактор: *Анастасия Дьяченко*
Заместитель главного редактора: *Анастасия Маркелова*
Арт-директор: *Дарья Щемелинина*

Руководитель проекта: *Диляра Абубакирова*
Художественное оформление и макет: *Дарья Щемелинина*
Верстка: *Анна Тарасова*
Корректоры: *Наталья Шевченко, Наталья Витько*

Иллюстрация на обороте обложки: *Greylilac / VectorStock*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Silvia Aliaga, 2022

Represented by Tormenta

www.tormentalibros.com

Иллюстрации на обложке и в макете © Inma Moya, 2022

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2024

* * *

Только правда делает нас свободными.
Шерлок Холмс

*Для всех читателей, нашедших для себя прибежище в доме номер
221Б по Бейкер-стрит*

Действующие лица

Эмма

Шажань

Джонатан

Элис

Хуберт

Маргарет

I

Лондон, декабрь 1893 года

Новость в один миг облетела весь город: детектив погиб. Джентльмены шептались в клубах, из пабов на берегах Темзы раздавались удивленные восклицания, в кабинетах полицейского управления Скотланд-Ярда недоверчиво переглядывались. Даже в Палате общин вряд ли обсуждалось хоть что-то другое в тот день. Нашлись и такие, кто утверждал, что собственными ушами слышал исполненный боли и ярости вопль второго жильца – доктора, делившего квартиру с детективом. Этот крик вырвался, когда тот вернулся домой и осознал, что жилище их навсегда опустело. Кое-кто даже утверждал, что доктор вдребезги разбил окно, швырнув в него неким увесистым предметом. Спустя несколько недель в этой версии истории появилось уточнение: предмет оказался скрипкой в футляре.

Как раз данное предположение не имело ни малейшего отношения к действительности. Никто не кидал скрипку Шерлока Холмса в окно. То, чем Джон Ватсон, выйдя из себя, запустил в окно кабинета квартиры дома 221Б по Бейкер-стрит, на самом деле было самым обыкновенным пресс-папье. Оно представляло собой не обладавший какой-либо ценностью зеленый отполированный величиной с кулак камень, украшавший письменный стол его друга. Однако все остальное в этой истории, передаваемой из уст в уста, действительности вполне соответствовало: Шерлок Холмс был мертвее мертвого, и даже хуже того. Тело его пропало в Швейцарии, исчезло в реке Аре, уйдя под воду у подножия Рейхенбахского водопада.

Эмме Дойл едва исполнилось пятнадцать лет, когда это известие, которое пронеслось ледяным смерчем по лондонским улицам и увлекло за собой все подряд, повергло ее в ужас. В тот момент Эмма была не одна, а с Виггинсом, своим приятелем и предводителем группы ребят, что практиковались в искусстве наблюдения, оттачивая свои умения на рынке Ковент-Гарден. Эмма заняла позицию на пересечении двух самых многолюдных рядов, уставленных прилавками со всеми видами съестных продуктов. По истечении ровно пятидесяти секунд созерцания, за которые она приложила все усилия к тому, чтобы запечатлеть в своей памяти всё и вся, Эмма закрыла глаза, подчинившись команде парня.

– Так, замечательно, – прозвучал у нее под ухом голос Виггинса. – Сколько свиных голов на прилавке мясника за твоей спиной?

– Три, – ответила Эмма без колебаний, не открывая глаз. Вокруг нее клубились звуки и запахи рынка. Она старалась на них не заикливаться: ей предстояло сдать экзамен по наблюдательности, и мозг должен был сохранить все, что она видела, в незамутненном состоянии.

– Прекрасно, – сказал Виггинс. Даже не видя его, по одной лишь интонации, Эмма поняла, что на веснушчатой физиономии приятеля расцвела улыбка. – Кто стоит за прилавком с фруктами на углу?

– Две женщины.

– Опиши их внешность.

– Одной из них на вид лет пятьдесят пять. Волосы короткие, с проседью, шерстяная юбка и серая шаль на плечах. Другая похожа на ее дочь...

Она поняла, что допустила ошибку, раньше, чем Виггинс успел ей на это указать.

– Говори только о том, что видела своими глазами. Догадки твои мне не нужны. Мы этим не занимаемся: делать выводы – не наша обязанность.

В голове Эммы прозвучал голос сыщика: «Мне нужны не теории, а факты».

Тут она открыла глаза. Эмма чувствовала себя усталой, хотелось есть, и единственное, что всплывало в ее памяти в связи с фруктовым ларьком, за которым стояли женщина в возрасте и вторая, которая совершенно очевидно приходилась ей дочерью, так это пирамида зеленых яблок в углу прилавка. Виггинс с нескрываемой досадой окинул ее взглядом.

– Ну же, Эмма, давай, нужно тренироваться. В прошлый раз, в деле об убийстве продавца бриллиантов, ты не запомнила цвета...

– Прекрати, – отрезала она. Из-за той досадной ошибки она лишилась гиней. – Забудь об этом, ладно? Давай-ка я лучше яблоком тебя угощу.

Виггинс выгнул бровь.

– У тебя что, лишние монеты в кармане завелись?

– Скажешь тоже, Виггс, – улынулась Эмма. – Стянуть кое-что с прилавка, причем даже похлеще, чем парочку яблок, для меня – уже пройденный этап. Впрочем, как и для тебя.

И все же сейчас она впервые задалась вопросом: а стоит ли на этот раз рисковать? Ведь пятнадцать лет – возраст более чем достаточный, чтобы воришку сочли настоящей воровкой, так что дело могло закончиться ночевкой в каталажке. В конце концов, у нее и вправду были при себе деньги, которых хватило бы для покупки пары яблок. Никакого смысла искушать судьбу, пожалуй, не было. С другой стороны, если Эмму и захотят упрятать в каталажку, сначала все же придется ее застукать. А поймать девчонку за руку пока еще никому не удавалось.

Эмма разительно выделялась в «Сыщиках с Бейкер-стрит» – ватаге ребят, с которыми она росла бок о бок, бегая по улицам района Мерилибон и Риджентс-парку. Благодаря настойчивости и неусыпным заботам ее старшей сестры каштановые волосы девочки всегда были чисто вымыты и хорошо уложены, а простенькие платья и ботинки выглядели вполне сносно. В результате Эмма неизменно производила самое благоприятное впечатление на взрослых, хотя никому и никогда не пришлось бы в голову принять ее за одну из тех юных леди, что выходили из экипажей или садились в них у нее на глазах. По этой причине она и стала самой успешной в «Сыщиках» воровкой.

Но на этот раз реализовать задуманное помешала ее подруга Мерседес: резко схватив Эмму за руку и решительно уведя ее в сторону от яблок с блестящими боками, она мгновенно смела возникшую перед Эммой этическую дилемму. Мерседес вынырнула как будто из-под земли из-за спин толкавшихся у прилавков покупателей и уверенными шагами направилась к Эмме и Виггинсу.

– Эй, Мерси, ты чего? Какая такая муха тебя укусила? – жалобно верещал Виггинс, пока их подруга без лишней деликатности тащила обоих за собой к выходу из рынка.

Смуглое личико Мерседес, обычно такое веселое, выглядело крайне удрученным.

– Кое-что случилось, идите за мной.

На улице стоял пробирающий до костей холод. Пошел снег. Редкие мягкие хлопья кружились в воздухе, они не ложились на землю, но окрашивали весь Лондон бледностью, как будто в то утро кто-то взял в руки смоченную спиртом тряпку и принялся стирать все вокруг, избавляя мир от излишней яркости.

Мерседес завела их за угол рынка на площади Ковент-Гарден. В углублении подъезда дома показалась пара знакомых лиц: ребята прятались от холода. Еще двое членов «Сыщиков с Бейкер-стрит»: Фредди, правая рука Виггинса, и Зои, обычно и так печальная, но сегодня она хмурилась еще больше. Эмма растерянно взглянула на друзей.

– Что такое, что случилось?

– Детектив погиб, – послышался голос Зои. Пепельные волосы падали на лицо, глаз не было видно, но Эмма достаточно хорошо знала ее и сразу поняла, что подруга плакала.

У Эммы перехватило дыхание. Через пару часов они узнают мельчайшие детали случившегося – он шел по следам профессора Джеймса Мориарти, – но в тот момент все это было еще не столь важно, и Эмма плохо представляла, что ей следовало почувствовать.

Детектив погиб, а вместе с ним пропал и единственный надежный источник ее доходов, существовавший более шести лет. С раннего детства ребята из «Сыщиков с Бейкер-стрит» снабжали Шерлока Холмса информацией, держали его в курсе всех тех слухов и сплетен, о которых уважаемый джентльмен не узнал бы без их помощи. Ежедневный шиллинг

за услуги, а если им удавалось навести детектива на надежный след – то целая гинейя. Однако не это было самым досадным. Шерлок Холмс вряд ли был для Эммы чем-то бóльшим, чем неким смутным силуэтом: ей ни разу не довелось толком с ним пообщаться – так, разве что парой слов перекинуться. Однако само его присутствие и в Лондоне, и в ее жизни было чем-то надежным, вроде якоря, за который – она знала – всегда можно будет ухватиться, когда ничего другого не останется. Холмс был тем, к кому всегда было можно прийти за помощью. Теперь этот якорь исчез, и она поплыла по течению. Детектива не стало, и мир Эммы Дойл оказался на краю пропасти, окончательно и бесповоротно.

Она обвела взглядом всех своих друзей, задумавшись, станет ли эта встреча для них последней, и вопрос ее прозвучал гулко и испуганно:

– И что же нам теперь делать?

II

Элис Дойл, старшую сестру Эммы, та же новость настигла чуть позже.

Быстро шагая по улицам Олдгейта на почту, она услышала обрывки разговора перед лавкой: беседовали лавочник и покупательница, и ей удалось расслышать в этом диалоге о водопаде с каким-то экзотическим названием имя Шерлока Холмса.

– Как по мне, так то, что его рано или поздно кто-нибудь да ужокошит, было вопросом времени, – спокойно прозвучал комментарий женщины, половчее устраивающей в руках младенца. – Такие, как он, до седины не доживают.

От услышанного Элис резко остановилась, будто в стену уперлась. Шерлок Холмс погиб? И сразу же подумала об Эмме: знает ли эту новость сестренка? Впрочем, она не сомневалась, что Эмма уже в курсе: юные сыщики с Бейкер-стрит узнавали обо всех новостях и слухах этого города раньше других, иначе бы детектив к ним не обращался. Элис по большому счету никогда не испытывала особых симпатий к приятелям сестренки – шайке маленьких преступников, с которыми Эмма водила дружбу ровно с тех самых пор, как вошла в разум. Однако Бейкер-стрит, как и другие улицы Мерилибона, была существенно безопаснее, чем улицы Ист-Энда, где сестры жили в крошечной квартирке с одной-единственной комнатой на первом этаже сильно обветшалого от времени дома. Элис было даже на руку, что Эмма целыми днями проводит время подальше от тех мест, несмотря на то что игры в воров и сыщиков в весьма обеспеченной части города могли навлечь на сестру кучу проблем. Эмме только что исполнилось пятнадцать, и Элис старательно гнала от себя тревожные мысли о том, какую именно роль предпочитает ее младшая сестра: сыщика или воришки. К реализации обеих были все предпосылки.

Тем не менее у Элис имелись и другие проблемы, требовавшие ее внимания. Известие о гибели Шерлока Холмса ни в коей мере не являлось в то утро для нее приоритетом, чем-то, побуждавшим к незамедлительным действиям. Первая проблема – внезапное предложение о замужестве. Вторая – письмо от сестры. Еще одной ее сестры, с которой у Эммы нет ни капли родства.

И она пошла дальше, к почтовому отделению, крепко сжимая в обтянутой перчаткой руке письмо, спрятанное в карман.

Элис шел двадцать второй год, она уже давно достигла брачного возраста, да и мужчина, предложивший ей руку и сердце, был добрым малым, к тому же его финансовое положение было существенно лучше, чем у нее самой, так что проблема заключалась не в этом. Претендент на ее руку был портным с Кричерч-лейн, овдовевшим меньше года назад. Нрав у него был спокойный, держался он вежливо и, хотя и был почти вдвое старше, по-прежнему мог бы считаться симпатичным. Элис пару раз обращалась к его услугам портного, навещаясь в мастерскую с заказами: перешить два своих платья для Эммы и переделать отцовское пальто для себя. Она прекрасно знала, что мужское пальто на молодой девушке будет выглядеть странновато, но денег на новое у нее не нашлось.

Элис провела детство в Ист-Энде, а после смерти родителей одна, без чужой помощи, растила младшую сестру, так что давно уже не позволяла себе блуждать в дебрях романтических мечтаний. Она не надеялась на принца на белом коне, что явится однажды, увезет ее из пропахшего сыростью и сажей sklepa, в котором она жила, и откроет двери в блестящее будущее. С другой стороны, не ожидала Элис и получить первое в жизни предложение руки и сердца от едва знакомого мужчины в тот момент, когда он, тепло улыбаясь, вручит ей сверток с перешитыми вещами, а доверком к нему – перечень доводов, почему ей крайне выгодно принять его предложение:

– У меня две дочки, и им нужна мать, а ты, судя по всему, девушка благоразумная и бережливая. Да и своих детей мы сможем еще завести, ежели захочешь. Квартира моя тебе понравится – она прямо над мастерской. Поднимешься посмотреть?

Подниматься Элис не стала. Она точно знала, что каждая из ее знакомых – за исключением, быть может, двух ее сестер – посоветовала бы ей принять это предложение. Голова у Элис шла кругом, и она, отклонив его, чувствовала себя эгоисткой, ведь будущее Эммы тоже было поставлено на карту. В полном смятении она пришла домой, бросила сверток на кровать и только тогда заметила на полу под дверью маленький конверт. Кто-то им написал. На конверте стоял штемпель международного отправления, а среди знакомых Элис имелся лишь один человек, который жил за пределами Англии. Письмо от сестры Элис прочла с едва сдерживаемым волнением: что ж, принц на белом коне, может, и не понадобится. Маргарет Тернер, ее старшая сестра, только что дала ей шанс на новую жизнь.

Оставив позади лавочника и женщину, рассуждавших о гибели Шерлока Холмса, Элис прибавила шагу, надеясь на то, что ей хватит монеток, чтобы сегодня же отбить телеграмму в Шанхайское международное поселение¹.

---

¹ Шанхайское международное поселение (или сэтлмент) – территория Шанхая, находившаяся под международным управлением с 1842 по 1943 год.

III

За последние несколько дней Эмму столько раз практически вывернуло наизнанку, что сил на еще один такой опыт не осталось. Судно едва отчалило от пристани, как один из матросов уже увидел ее на палубе стоящей на коленях и упершейся лбом в перила: удержать в себе содержимое желудка она была не в силах. Матрос пообещал, что лучше ей станет, когда они выйдут в открытое море и берег исчезнет с горизонта. Лучше ей стало, это верно, однако в открытом море они провели уже больше недели, а Эмма по-прежнему страдала от морской болезни. И с тоской вспоминала о твердой английской земле под ногами.

Хотя и не могла не признать, что в некотором смысле пребывание в открытом море имело свои преимущества. Воздух, разумеется, был намного чище и свежее, чем в Лондоне, да и люди казались более умиротворенными, чем в городе: никуда не спешили, просто дожидались момента, когда судно доставит их к месту назначения. Речь, правда, шла не о роскошном пароходе, как те новенькие трансатлантические лайнеры, изображения которых красовались на почтовых открытках в газетном киоске в Риджентс-парке. Более того, когда Эмма смирилась наконец с тем, что они с сестрой едут не куда-нибудь, а прямо-таки в Китай, она отправилась к этому киоску и украла одну открытку с целью созерцать увиденное и утешаться мыслью, что морское путешествие обещает по крайней мере быть увлекательным. Тогда она даже подумать не могла, что желудок ее так взбунтуется и что трансатлантические лайнеры, которые красуются на почтовых карточках, служат, как можно догадаться по их названию, исключительно для выполнения рейсов через Атлантический океан и пунктом их назначения является Америка. А то судно, на котором они отправились в Азию, оказалось легким и весьма скромных размеров. Большая часть его внутреннего пространства предназначалась для разного рода товаров, но и кают там тоже хватало. Сестра Элис, мисс Маргарет Тернер, забронировала им билеты в каюту второго класса, так что в этом отношении жаловаться Эмме не приходилось. Да и питание было вполне приличным, хотя сама она решилась попробовать судовую кухню только на третий день, когда приступы тошноты чуть поутихли, дав передышку и ей, и их каюте. Удивление сестер вызвала щедрость мисс Тернер, которая позволила себе подобного рода траты. Особенно если учесть, что на судне имелись места и подешевле, на которые Эмма с Элис согласились бы с не меньшей благодарностью.

– Кажется, ты совершила ошибку, выбирая, с какой из сестер тебе оставаться, – сказала она Элис в их первую ночь на борту, когда обе они глядели в качающийся потолок каюты, лежа на койках, гораздо более удобных, чем матрас в их лондонской квартире.

Элис хохотнула и повернулась к Эмме, пытаясь заглянуть ей в лицо. С той самой минуты, как сестры поднялись на борт, она тоже чувствовала себя менее напряженной и более спокойной, почти как в те благословенные времена, когда родители девушек были еще живы и Элис не пришлось взвалить на себя груз насущных забот. Лунный свет, лившийся сквозь иллюминатор, освещал ее лицо бронзового оттенка. Кожа у Элис была смуглой, хотя она никогда не загорала, глаза карие, волосы светло-каштанового оттенка. Все в ней было каким-то оливково-золотистым, в отличие от Эммы, беляночки с голубыми глазами и темными волосами. Эмма раздумывала о том, похожи ли мисс Тернер и Элис. Они же родные сестры, хоть и виделись за последние пятнадцать лет всего пару раз.

На самом деле Эмма и Элис кровными сестрами не были. Отец Элис и мать Эммы поженились, когда Эмма еще находилась в чреве матери, а Элис была шестилетней девчушкой. Эмма никогда не знала другого отца, кроме мужа своей матери, и никаких братьев или сестер, за исключением Элис, у нее не было. Однако у мистера Дойла была еще одна дочь: Маргарет, намного старше Элис. Когда мистер Дойл женился второй раз, Маргарет исполнилось семнадцать, и она работала горничной в семействе Йоркширов. Она никогда к ним не приходила

и не желала лично знакомиться с новой супругой отца, но пунктуально поддерживала переписку с отцом и младшей сестрой. Вскоре Маргарет стала подписывать письма девичьей фамилией покойной матери, тем самым еще больше увеличив дистанцию между собой и семейством Дойлов. Эмма до сих пор помнит смирение во взгляде отца, появлявшееся в нем всякий раз, когда он видел эту фамилию на конвертах, все время приходивших из какой-нибудь новой страны: то это была Индия, то Перу, то Соединенные Штаты Америки. Господа, на которых работала Маргарет, вели бизнес по всему миру, так что конверты получали особую привлекательность в глазах Эммы, которая воображала себе мисс Тернер первооткрывательницей из какого-нибудь приключенческого романа. Но теперь, когда Маргарет Тернер перевалило за тридцать и она осела в Шанхайском международном поселении, где служила другому британскому семейству, она предложила обеим сестрам работу и новый дом на другом конце света.

Эмма обвела долгим взглядом Элис в попытке понять, что та чувствует и что обо всем этом думает. Тем вечером они отдыхали на палубе, в той ее части, что предназначалась для пассажиров второго и третьего классов. Элис прислонилась к стене: на ней было мужское пальто, принадлежавшее когда-то отцу, на голове – шерстяной беретик, натянутый на самые уши, чтобы было теплее. Она читала оставленную кем-то на лежаке газету.

– Есть что-нибудь интересное? – спросила Эмма, чтобы привлечь к себе внимание сестры. На самом-то деле ее ничуть не интересовали газетные новости. Свежими быть они никак не могли, поскольку судно уже почти две недели бороздило моря и океаны.

– Пишут о гибели Шерлока Холмса. О том, что он преследовал какого-то преступника, но почти без подробностей. Имя преступника не называют.

– Мориарти, – с явным презрением обронила в ответ Эмма. – Джеймс Мориарти. Глава влиятельной преступной группировки.

Элис оторвала взгляд от газеты.

– А ты откуда знаешь?

Эмма пожала плечами.

– Да просто Холмс уже какое-то время его выслеживал. Мы все об этом знали.

Уточнять, кто такие «все», Эмме не было необходимости: Элис была неплохо осведомлена о похождениях сестры и сразу поняла, что речь идет о ней самой и ее приятелях.

– В газете пишут, что он тоже погиб, – продолжила Элис. – И это вам было известно?

Эмма кивнула. Миссис Хадсон, хозяйка квартиры Шерлока, сообщила Фредди новости в то же утро, когда все произошло. По словам Фредди, несчастная женщина весь день пребывала в совершенном отчаянии. Эмма почувствовала укол ностальгии и перевела взгляд на блокнот и карандаш у себя на коленях. Она сидела на лежаке и уже довольно долго предпринимала попытки что-то записать, хотя у нее мало что выходило.

В глубине души она знала, что ее рассеянность не только из-за морской болезни.

Ее лондонский мир, оставленный позади, разваливался. Какая-то часть ее самой радовалась представившейся возможности бежать, понимая, что она уже будет совсем далеко, когда все исчезнет, словно ничего и не было. Эмма стала первой, но все из их «Сыщиков с Бейкер-стрит» когда-нибудь обязательно покинут те улицы, на которых они росли, и разойдутся разными путями-дорогами. Теперь с этим местом их уже ничего не связывало, и настоящим облегчением для Эммы стало осознание, что не она последней наблюдает за уходом всех остальных.

Наверное, по лицу ее было заметно, что похвастаться хорошим настроением она не может, поэтому Элис сложила газету, бросила ее на пустой лежак, а потом села рядом с сестрой и обняла ее за плечи.

– Я слышала, что в Шанхае возле причалов есть песчаные пляжи и скалы тоже есть, – сказала она с ободряющей улыбкой. – В хорошую погоду старики и дети ходят туда ловить

раков. Потом разводят на песке костры и пекут свою добычу. А еще там часто играет музыка, а по праздникам даже устраивают фейерверки.

Эмма, к собственному неудовольствию, улыбнулась. Элис старалась. Всю жизнь она старалась только для нее.

– Звучит заманчиво, – сказала она, взявшись свободной рукой за руку Элис. – Кстати, как ты думаешь: шанхайские раки по вкусу такие же мерзкие, как из Темзы?

Элис скорчила гримасу отвращения, и Эмма засмеялась.

– Боже ж ты мой, надеюсь, что нет!

IV

Хуберт Елинек познакомился с сестрами Дойл в тот день, когда они только приехали к отелю, в котором он работал. Отель располагался на Нанкин-роуд, в самом центре Шанхайского международного поселения. И первая пришедшая ему в голову мысль была о том, что эти две девушки нигде во всем мире не могли бы оказаться настолько не к месту, как в Шанхае.

Судно, на котором Элис Дойл и ее младшая сестра прибыли из Англии в Китай, бросило якорь в порту пару часов назад, и обе явно находились под сильным впечатлением от бурного кипения жизни вокруг. В любом случае не Хуберту было их в этом винить. Шанхайское международное поселение объединяло торговцев и коммерсантов со всего света: в первую очередь здесь селились иностранцы из Великобритании и Соединенных Штатов, но было немало выходцев и из других стран Европы, Азии и Латинской Америки. Улица Нанкин-роуд с ее эклектичным смешением культур и архитектурных стилей даже ему, прожившему здесь уже с десятков лет, казалась чарующе экстравагантной.

Вторая мысль, пришедшая в голову Хуберта Елинека при виде сестер Дойл, сводилась к тому, что младшей, Эмме Дойл, явно не больше пятнадцати лет. То есть как раз столько, сколько было Хуберту, когда весь его мир раскололся на обломки, что ранили его тело.

О том, что случилось в Карловых Варах

Часть первая

Ему все-таки удалось загнать птицу туда, где можно было ее поймать. Пташка залетела под яркий полог рыночной палатки и стала биться о матерчатую крышу: лететь было некуда. Хуберт подозревал, что кто-то подрезал ей крылья, чтобы не упорхнула. Он успел немного разглядеть ее, пока она с испуганным писком металась между палатками с едой, алкогольными напитками и вафлями на вечернем базаре перед Большой Купальней, и предположил, что это одна из тех диковинных птиц, которых обыкновенно везут в клетках иностранцы, едущие на отдых в город-курорт Карловы Вары. Хуберт, естественно, не имел ни малейшего понятия, откуда эту пташку привезли, из какого роскошного особняка она упорхнула, однако было очевидно, что если сейчас ее не поймать и не унести с собой, то в живых она останется ненадолго. Если он не поторопится, птичка попадет под ноги пешехода или окончит свои дни в брюхе уличного кота.

– Ну же, малыш. – Хуберт с величайшей осторожностью подобрался поближе и нырнул под прилавок с засахаренными фруктами. – Я ж помочь тебе хочу.

Резким движением он откинул полог, куда залетела птица, и голыми руками успел схватить ее за долю секунды до того, как она вновь упорхнула. И стал разглядывать со смешанным чувством триумфа и восхищения. Чудесное создание: клюв загибается книзу, оперение яркое, разноцветное. Наглядевшись, Хуберт заботливо завернул птичку в полу рубахи и отправился домой.

Семья Хуберта жила на самой окраине небольшого города Карловы Вары в Королевстве Богемия, что лежит в самом центре Европы. Тем вечером город бурлил и шумел. Курортники, которые проводили здесь лето, и те, кто приехал всего на несколько дней, чтобы посетить знаменитые купальни, фланировали по выложенным тротуарной плиткой улицам, услаждая свой слух творениями уличных музыкантов и разглядывая разные лакомства на прилавках. В свои пятнадцать лет Хуберт считал себя счастливейшим парнем: ему повезло родиться не где-

нибудь, а в этом городе. В городе, изобилующем шикарными отелями, куда год за годом приезжали и элегантные дамы, и достойнейшие джентльмены. В тот вечер, возвращаясь с яркой птахой в руке домой, Хуберт не испытывал желания жить в какой-либо иной стране, кроме Богемии, а в пределах Богемии – ни в каком ином городе, кроме блистательных Карловых Вар.

На маленьком заднем дворе мастерской его матери, за которым начиналась сосновая роща (сосны окружали весь город), Хуберт держал старую птичью клетку. В то время там у него жили щегол, у которого еще не полностью зажило левое крыло, и зеленая певчая птичка: она точно так же, как и экзотическая красotka, что попалась ему сегодня на улице, не смогла бы выжить на воле сама по себе. Хуберт осторожно посадил птицу в клетку и немного постоял, наблюдая, чтобы убедиться, что новенькая не представляет угрозы для двух обитателей клетки. Размером пташка была крупнее их обоих, но держалась вполне миролюбиво и как будто почувствовала несказанное облегчение, когда Хуберт выпустил ее из рук.

Нужно будет сходить на птичий рынок – спросить, что такие птицы едят. А пока, он надеялся, она сможет обойтись фруктами и семечками, которыми кормились другие птицы. Хуберт стоял и раздумывал, когда сможет попасть на рынок, однако в этот момент из лавки донесся голос зовущей его матери.

Он откликнулся и пошел к ней, на ходу заправляя в штаны полы рубахи, куда была завернута птица. За прилавком мать обслуживала клиента, которого Хуберт никогда раньше не видел. Судя по ливрее, человек этот служил в одном из лучших домов города. Ничего странного в подобном визите не было. Семья Хуберта была одной из немногих в Карловых Варах, которые не извлекали дохода от термальных источников и не были связаны с производством стекла. Его дед, отец матери, всю жизнь занимался ремонтом разных механизмов. Прежде всего двигателей, но еще и велосипедов, часов и вообще любых устройств с зубчатой передачей, нуждающихся в починке. После смерти деда лавкой и мастерской заправляла мать. Иногда заказчики приезжали к ним из самой Праги, не говоря уже об окрестных городах. Мать завернула в суконную тряпицу карманные часы и протянула сверток клиенту. Он вежливо распрощался и вышел из лавки. Хуберт проводил его взглядом через стеклянную витрину. Скромную улочку городского предместья, так непохожую на красивые и многолюдные центральные проспекты, до краев заливало раннее сентябрьское солнце.

– Ничего не поделаешь, придется послать тебя к Бизоньози, – сказала ему мать, указывая на маленький сверток поверх запечатанного конверта на прилавке, обернутый в весьма элегантный мужской носовой платок.

Хуберт неуверенно кивнул и потянулся за свертком и конвертом. Такого рода поручения были ему не в новинку, что, впрочем, не делало их более приятными. Намеревавшиеся воспользоваться услугами Бизоньози почти никогда не обращались к нему лично: они знали, что в этом городе любая открытая для публики лавка или мастерская послужит им посредником. Все здесь так или иначе находилось под контролем и защитой великого главы ремесленников.

– Не задерживайся, – сказала мать. – Ни на что не отвлекайся. Меня не интересует, встретишь ли ты на фабрике отца или какого-нибудь приятеля по дороге. Возвращайся домой, как только управишься, – нужно будет за братом присмотреть.

Хуберт с трудом скрыл разочарование. Младший братишка, всего-то трех лет от роду, порой оказывался настоящей занозой. А ему так хотелось бы провести остаток вечера, шатаясь по центру города, слушая музыку, разглядывая кареты курортников. Он смиренно вышел из лавки и отправился на «Гран-Панталеоне», стекольную фабрику Бизоньози на другом конце Карловых Вар.

Бизоньози, что на итальянском значит «нуждающийся», не было настоящим именем главы ремесленников Карловых Вар. Он просто решил взять себе псевдоним. Титул «глава ремесленников» тоже, впрочем, не был самым подходящим для его роли. Бизоньози являлся

главой преступного мира, и его должность начальника стекольной фабрики скрыть этот факт никак не могла. По происхождению он был итальянцем, но обосновался здесь уже несколько десятилетий назад: выкупил после банкротства чуть ли не самую главную фабрику города и превратил ее в процветающее предприятие, затмившее всех конкурентов. А между делом, по слухам, занимался и разными другими делами – такими, что вызывают вопросы. И все же больше половины города окружало его почтением и обращалось со всякого рода просьбами: пристроить, например, родственника на работу или еще за какой-то помощью.

Отец Хуберта был, собственно, одним из его сотрудников и восхищался этим человеком больше, чем кем бы то ни было. И поговаривал, не скрывая гордости, что во многих королевских домах Европы столы сервируют хрустальными бокалами производства фабрики «Гран-Панталеоне». Однако Хуберт скорее бы предпочел, чтобы отец работал в мастерской вместе с матерью.

На фабрику он прошел через одну из задних дверей, ведущих к конторам. Семьи, издавна живущие в Карловых Варах, хорошо знали друг друга, так что когда Хуберт объяснил причину своего визита и сказал, чей он сын, то без проблем попал в кабинет директора. Свой главный штаб и центр управления Бизоньози устроил именно здесь, на фабрике. В приемной – комнате с массивными шторами и огромными коврами на полу, убранство которой напоминало скорее о декадентских венецианских дворцах, чем о светлых и практичных зданиях Карловых Вар, – Хуберт слышал, как прямо у него под ногами, на нижнем этаже, мастера формуют горячее стекло.

Ждать ему пришлось недолго, всего через несколько минут распахнулась дверь директорского кабинета. Оттуда вышел человек, хорошо известный в городе, хотя появлялся он здесь не слишком часто: Себастьян Моран, правая рука Бизоньози.

Это был высокий мужчина лет за тридцать, крепкий – косая сажень в плечах, несколько неряшливого вида. Англичанин по происхождению, в Карловы Вары он наведывался с завидной регулярностью. Особых симпатий к нему Хуберт никогда не испытывал. Как-то раз отец поведал сыну, что некогда Себастьян Моран служил в британской армии, но не так давно был изгнан со службы. Когда бы Хуберт ни встретил этого человека, от него вечно пахло перегаром. Да и на женщин он смотрел так похотливо и вызывающе, что Хуберт испытывал отвращение. Сама мысль о том, что Бизоньози полагается в делах на такого человека, побуждала Хуберта относиться к начальнику отца с еще меньшим доверием.

Однако в тот день Себастьян Моран вышел из кабинета не один. Рядом с ним шел человек, с виду намного более опрятный: высокий, худощавый, с пронзительным взглядом и горделиво наклоненной головой. Беседовали они по-английски, так что Хуберт не очень хорошо понял, о чем они говорили, но все же ему удалось уловить имя, что использовал Себастьян Моран при весьма церемонном обращении к незнакомцу: профессор Мориарти.

Любопытно, как течение времени изменит перспективу всей истории. Но в тот момент это имя являлось для него пока что пустым звуком.

Двенадцать лет спустя, находясь уже очень далеко, приложив невероятные усилия, чтобы спрятать поглубже любое воспоминание о Карловых Варах и обо всем том, что осталось у него за спиной, Хуберт услышит от девушки по имени Эмма Дойл, что профессор Джеймс Мориарти погиб, что некто по имени Шерлок Холмс его убил.

И только тогда Хуберт Елинек, уже сменивший к тому времени фамилию, сможет наконец спокойно спать по ночам.

V

Когда покачивание палубы сменилось таким привычным потряхиванием экипажа на конской тяге, для Эммы это оказалось изменением весьма приятным. Служащий отеля, в котором трудилась мисс Тернер и который должен был стать для них домом, приехал в порт встретить сестер и немедленно подхватил чемоданы, а потом загрузил их в повозку. В этот момент Эмма почувствовала себя чуть ли не особой королевской крови. И горячо поздравила себя с тем, что Элис заставила ее тщательно заплести косы и что обе они надели свои лучшие платья. Работник отеля – опрятный мужчина средних лет, с медной бородкой, обладатель ирландского акцента – был облачен в элегантную униформу, а запряженная в карету лошадь выглядела аккуратной и ухоженной. Сам экипаж сверкал чистотой как внутри, так и снаружи. Эмма уже умирала от желания поскорее приехать в отель и собственными глазами увидеть, окажется ли и там все таким же величественным.

– Ты только погляди на дома, Элис, – шепнула она сестре на ухо, показывая на фасады красного цвета по обеим сторонам улицы. – Как ты думаешь, отель «Белгравия» тоже такой?

Элис выглянула в окно кареты поверх головы сестры. Эмма никогда в жизни ничего подобного не видела. В Шанхае все оказалось совсем не таким, как в Англии. Многие строения здесь были деревянными, выкрашенными красной краской, с красивой керамической черепицей на крышах и широкими свесами кровли с заостренными углами. Встречались и более скромные строения – из нетесаного дерева под простенькой кровлей, но все они отличались своеобразным стилем, так непохожим на лондонские кварталы, что Эмме оставалось только замороженно улыбаться.

Другим был и воздух. Пахло специями и грунтовой дорогой, а также морской солью, к которой Эмма уже успела привыкнуть. По обеим сторонам улицы стояли торговцы рыбой, здесь и там двигались груженные бревнами повозки.

Элис улыбнулась сестре, чьи глаза сверкали от восхищения.

– Шанхай чудесный, правда? И все же, как ни жаль мне тебя разочаровывать, но я очень сомневаюсь, что отель «Белгравия» будет похож на эти здания.

Извозчик повернул за угол и сообщил пассажиркам, что уже совсем скоро они окажутся на территории Международного поселения. Панорама за окном слегка изменилась. Внезапно Эмма стала подмечать здания, гораздо более привычные ее глазу: огромные фабрики с тонкими трубами, над которыми к небу поднимались белые столбы дыма, роскошные казино, отели и универмаги. Традиционные китайские дома этого города перемежались здесь со зданиями в западном стиле. Улицы Международного поселения кишели пешеходами и двуколками. Люди европейской и азиатской наружности говорили на бесчисленном множестве языков. Английский и шанхайский диалект китайского, судя по всему, в этом лингвистическом море преобладали, но этими двумя языками полифония явно не ограничивалась. Эмма узнала итальянский и португальский. Китайка, толкавшая перед собой тележку, доверху наполненную чем-то вроде диковинных фруктов, принялась ругаться на мальчишек, совершенно неожиданно выскочивших на проезжую часть, отчего велосипедисту пришлось резко нажать на тормоза. Мужчина адресовал сорванцам снисходительную улыбку в качестве прощения и обменялся с женщиной несколькими фразами на английском. Он говорил с американским акцентом, она приветливо ему улыбалась. За их спинами Эмма заметила здание, похожее на храм. Фасад его был украшен золочеными пластинами, в дверях мужчины курили фимиам, люди перед входом разувались. Рядом с храмом, приглашая вечером на водевиль, виднелись афиши концертного зала, что высился в центральной части широкого проспекта. Эмма не имела ни малейшего представления о том, что такое водевиль, и уже хотела было задать вопрос сестре, как в этот самый момент экипаж резко затормозил вслед за раздавшимся

ржанием лошади и громким встревоженным восклицанием возницы – сначала на шанхайском, а потом на английском.

– С вами все хорошо, господин? – произнес кучер, второпях спустившись с козел.

Эмма и Элис, не успев прийти в себя после резкого торможения, обменялись недоуменными взглядами и последовали его примеру. На мостовой уже собралась небольшая толпа пешеходов, окружившая мужчину: он стоял на коленях и в сильнейшем замешательстве озираясь по сторонам, как будто не до конца понимая, что же с ним случилось. Кучер опустился возле него на колени и без конца повторял, как сильно он сожалеет о произошедшем.

– Я вас не видел... Уверяю вас, что я смотрел на дорогу, но откуда вы появились – не увидел... Вы ушиблись?

– Ваша лошадь чуть не раскатала меня в лепешку, – жалобно бормотал мужчина. На нем был рабочий комбинезон, несколько выцветший, он говорил с североанглийским акцентом, на вид ему можно было дать лет пятьдесят. Он попытался подняться, однако тут же скривился от боли и потянулся рукой к своему левому плечу. – Кажется... Кажется, у меня там что-то сломалось.

Кучер изменился в лице и стал просить пострадавшего не двигаться, пока его не осмотрит врач.

– Но мне нельзя здесь оставаться, – возразил мужчина и вновь попытался подняться. Кое-кто из присутствующих шагнул вперед, не давая ему шевелиться. – Смена на фабрике начнется через полчаса; если я опоздаю, то меня уволят.

В эту секунду сквозь толпу зевак протиснулся еще один человек. Молодой китаец.

– Позвольте мне осмотреть его, я ассистент доктора, – предложил он свои услуги. После чего присел возле пострадавшего и стал ощупывать разные части его тела.

Все молча наблюдали. Через несколько долгих минут молодой человек поднялся.

– Ноги и позвоночник в полном порядке, но вот в плечевом суставе вывих. Необходимо срочно его вправить, иначе сустав еще больше повредится.

Кучер застонал, словно это у него был вывих плеча, а не у пострадавшего мужчины. Молодой китаец продолжал:

– Мой учитель живет за пределами Поселения, но не очень далеко. Если пойдете со мной, он сможет вправить ваш вывих. И довольно быстро.

– Пойдите с ним, – вступила в разговор женщина из толпы зевак. – В таком состоянии работать вы все равно не сможете.

– Но у меня нет денег на всяких там докторов, – жалобно проговорил мужчина, вновь потянувшись к больному плечу.

– Я за все заплачу! – тут же воскликнул кучер. Он побежал обратно к козлам экипажа и достал большой кожаный кошель. Покопался внутри, извлек матерчатый мешочек меньших размеров и протянул его молодому ассистенту врача. – Я только что получил жалованье за две недели, вот оно все, нетронутое. Этих денег хватит на лечение пострадавшего?

Ассистент заглянул внутрь и кивнул.

– Но я не могу этого принять... – простонал пострадавший.

– Возьмите их, берите! – настаивал кучер. – Если что-то останется, воспользуйтесь остатком, чтобы хорошо пообедать: съешьте что-нибудь горячее. Я смогу перебиться до следующей выплаты: работаю я при отеле, а там всегда для своих работников кухня открыта. Ступайте с этим молодым человеком – он поможет вам вылечить плечо.

Англичанин с большим трудом и гримасой боли поднялся на ноги. Эмма подобрала с проезжей части забытую всеми соломенную шляпу и подала ее пострадавшему.

– Спасибо, девочка, – тихо проговорил он, нахлобучивая шляпу на голову. – Молодой человек, ведите меня к вашему доктору.

Мужчина оперся на руку ассистента врача, и оба они стали неспешно удаляться от шумной и оживленной улицы в направлении, по предположению Эммы, одного из боковых выходов из Международного поселения. Кучка зевак немедленно растаяла.

– Какой ужас, – взволнованно прошептала Элис, когда на мостовой они остались втроем. – Хорошо еще, что это всего лишь вывих. С вами все в порядке? – обратилась она к кучеру, горестно смотревшему на место, которое только что покинули двое мужчин.

– Уверяю вас, я смотрел на дорогу, ни на что не отвлекался, – без конца повторял он. – Он будто из-под земли появился...

Элис неловко похлопала его по плечу в знак утешения.

– Такое иногда случается, и вы в этой ситуации сделали более чем достаточно. Отдали ему все свои деньги.

– Повезло еще, что как раз сегодня я получил жалованье, – отозвался кучер, приглашая своих пассажирок в экипаж. – Если б не это, у меня вряд ли при себе были бы деньги.

– Да уж, то еще везение... – проворчала Эмма.

Элис устремила на сестру вопрошающий взгляд, уловив в ее голосе нотки иронии. Но Эмма только махнула рукой, показывая, что дело пустячное, и обе они уселись обратно на свои места. Желания продолжать разговор на эту тему у нее не было, хватало другого, о чем стоило бы поразмыслить: например, об уже весьма скором прибытии в отель «Белгравия». Однако у Эммы создалось впечатление, что в тот момент, когда она подала пострадавшему шляпу, мужчина сначала непроизвольно потянулся за ней левой рукой, то есть той самой, с вывихом плеча, но немедленно передумал и взял шляпу правой. Однако при том первом, непроизвольном движении на лице его не мелькнула даже тень страдания от боли.

После завершения этой интермедии, воплощенной в дорожно-транспортном происшествии, экипаж вновь покати к своей цели. Спустя несколько минут тряски карета остановилась перед высоким белым зданием типично английской архитектуры, которое с тем же успехом могло быть расположено где-нибудь на Риджентс-стрит, а вовсе не на этой живописной улице.

– Вот мы и приехали, – провозгласил возница, со вздохом облегчения спустился с козел, после чего подал Эмме руку, помогая ей выйти. – Отель «Белгравия».

Как ни крути, для нее стало неким разочарованием, что в таком удивительном крае, полном будоражащих кровь, многообещающих диковинок, новое место ее проживания оказалось поистине лондонским зданием. И все же сердце Эммы встрепенулось. Она и не мечтала, что ей когда-нибудь доведется жить в таком роскошном доме. К отелю «Белгравия» с улицы вела величественная лестница, покрытая темно-красной ковровой дорожкой. Швейцар в униформе с золотыми пуговицами распахнул двери перед элегантной парой, выходявшей на улицу. В радостном возбуждении Эмма с Элис переглянулись и попрощались с любезным кучером: бедолага виновато улыбнулся. Оставшись без свидетелей, Элис распрямила плечи, слегка прокашлялась и в тот же миг стянула с головы вязаную шапочку, после чего обратилась к швейцару у входа.

– Полагаю, что нас ожидает моя сестра, мисс Маргарет Тернер, – без особой твердости в голосе проговорила она.

Видеть Элис настолько неуверенной в себе оказалось непривычно, однако Эмма была вынуждена признать, что и сама ощутила странную щекотку в животе. Отель выглядел чрезвычайно внушительно, но больше Эмму волновало другое: сейчас она будет представлена мисс Тернер.

Совершенно неожиданно ее охватило странное опасение: она задалась вопросом, не может ли так случиться, что мисс Тернер ее возненавидит. Ведь сестра, как ни крути, когда-то предпочла Эмму, осталась с ней. И Эмма целых пятнадцать лет наслаждалась присутствием рядом с собой Элис, спала с ней бок о бок, позволяла ухаживать за собой и заботиться о себе, пока Маргарет и Элис все это время практически не виделись.

В эту секунду, как будто обладая шестым чувством и способностью ощутить, что о ней только что спрашивали, материализовалась Маргарет Тернер. Она появилась в дверях главного входа и теперь глядела на Элис и Эмму с легкой улыбкой на устах.

– Наконец-то вы здесь! – поприветствовала она их.

Элис улыбнулась в ответ, и улыбка эта вышла менее энергичной и более тревожной, чем у старшей сестры.

– Привет, Мэг.

Маргарет сошла вниз по разделявшим их ступеням лестницы и обеими руками взяла лицо Элис, чтобы хорошенько его разглядеть.

– Ты худее, чем была, когда я видела тебя в последний раз, однако же, полагаю, это мы легко исправим, – сказала она, чуть нахмурившись. В речи ее слышался легкий акцент – и не собственно британский, и не какой бы то ни было иной. Так говорят те, кто никогда слишком долго не жил на одном месте. – Здесь ты снова станешь питаться так, как положено. – Она продолжила изучать лицо сестры. – Скулы у тебя как у папы, а цвет лица явно достался от матери. Взяла самое лучшее от каждого из родителей!

Элис засмеялась, хотя лицо ее все еще обхватывали ладони Маргарет. Пусть Эмме она пока еще не сказала ни слова – и девочка все еще не имела оснований отказать от своего предположения, что та ее ненавидит, – Маргарет Тернер именно в эту секунду завоевала ее симпатию. Элис не привыкла получать комплименты по поводу своей смуглой кожи. Наоборот, все наперебой говорили ей, какой бы она стала красавицей, если бы не так много времени проводила на солнце и воспользовалась каким-нибудь косметическим средством. Эмма потратила уйму времени, пытаясь убедить Элис, что все это – невероятная глупость, и очень обрадовалась, когда поняла, что другая сестра Элис придерживается того же мнения. Саму Маргарет смуглянкой никто бы не назвал, хотя и особой бледностью она не отличалась. Эта женщина обладала пышными формами, широкой спиной и привлекательными чертами лица. Темные волосы были зачесаны назад и собраны в безупречный пучок, а темно-синее платье из плотной ткани прекрасного качества, нечто вроде формы, сшитой на заказ, сидело точно по фигуре. Ее было невозможно спутать с элегантной постоялицей отеля, только что покинувшей его кров под руку со своим супругом, однако, вне всякого сомнения, она относилась к типу женщин, достигших в жизни многого, за которыми Эмма наблюдала в Лондоне с особой тщательностью, карауля тот момент, когда такая особа на пару секунд позабудет о своей сумочке.

Наконец Маргарет отпустила Элис и повернулась к Эмме. С головы до ног окинула ее быстрым взглядом, после чего посмотрела ей прямо в глаза. На этот раз она не улыбалась, а изучала, с дотошностью исследователя. В течение нескольких секунд Эмме пришлось выдерживать пытливый взгляд. Она догадывалась, какие мысли могут бродить в голове этой женщины: раздумывает, наверное, от кого получила Эмма свои синие очи, так непохожие на обеих старших сестер, – от матери или от своего настоящего отца. Она приложила все старания, чтобы выдержать это испытание, не отводя глаз. Наконец Маргарет улыбнулась, и Эмма с облегчением выдохнула. Похоже, эту проверку она прошла, хотя и не очень понимала, в чем та заключалась.

– Что ж, полагаю, что мы с тобой поладим, – сказала Маргарет вместо приветствия.

– Надеюсь, мисс Тернер, – отозвалась Эмма, прилагая все усилия к тому, чтобы представить лучшую версию самой себя: тот образ благовоспитанной девочки, что всегда приходился по сердцу взрослым, у которых она собиралась выудить из кармана часы или набитый монетами кошелек.

Элис, стоявшая позади Маргарет, закатила глаза.

– Не стоит ей доверять, Мэг, когда она такую мину делает.

Эмма уже собралась запротестовать, поскольку как раз сейчас у нее ради разнообразия вовсе не было никакого тайного умысла, она всего лишь хотела произвести хорошее впечатление. Но Маргарет только усмехнулась.

– Не беспокойся, я привыкла иметь дело с бедовыми юнцами. Они мне в целом нравятся. Я и сама была такой, и, как ты сама скоро убедишься, мы и на работу в отель недавно одного такого взяли. Кстати говоря... Шаожань! Куда это ты подевался?

Эмма повернулась в ту сторону, куда был направлен взгляд Маргарет. Из-за парадной лестницы выглядывал парень приблизительно ее возраста, несколько смущенно наблюдая за происходящим.

– Виноват, мисс Тернер, – отозвался он. Мальчик был китайцем, но безупречно говорил по-английски. Эмма уже начала подозревать, что здесь все говорят по-английски. – Мистер Чех пожелал, чтобы я проводил его за пределы Поселения по делу.

Маргарет, глядя на Шаожаня, выгнула дугой бровь.

– И никто из вас двоих даже не подумал поставить меня в известность, что вы собираетесь отсутствовать все утро? Мистер Чех мне, естественно, не подчиняется, но вот ты – дело другое: тебе было дано задание. А где он, кстати?

– Сейчас приедет – при въезде на Нанкин-роуд его остановили наши постояльцы, а я побежал вперед, я же так и подумал, что вы меня наверняка хватитесь.

Шаожань очаровательно улыбнулся, а Маргарет Тернер в ответ только фыркнула, но уже не выглядела такой сердитой. Эмма с восхищением рассматривала мальчика. Он хорошо разыграл свои карты, избежав большего нагоняя. На вид он был старше Эммы – на год или самое большее на два. Темные волнистые волосы падают на лоб, лицо симпатичное. Он, должно быть, почувствовал, что его изучают, – в тот момент взгляды их встретились, и улыбка парня стала другой: теперь она не была уже такой сияющей и дерзкой, зато в ней появилась искренность. Эмма улыбнулась ему в ответ.

Она почти что слышала голос Элис, которая приметя ее увещевать, стоит им остаться наедине: «И думать забудь, – скажет ей сестра. – Не втягивай этого парня в свои безумные затеи».

– Ступай в отель, – велела Маргарет Шаожаню. – Для тебя есть работа на стойке регистрации. А когда все сделаешь, поднимись наверх и спроси, не нужно ли чего Джонатану.

– Конечно, мисс, – ответил он и, проходя мимо, снова метнул на Эмму любопытный взгляд, а потом скрылся в здании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.